

Неудобный «инцидент»

Убийство генерала Духонина в свете нового свидетельства участника событий

В ноябре 1917 года Могилев был последним белорусским городом, находившимся под контролем антисоветских сил. Эпизод с походом отряда балтийских матросов на «контрреволюционную Ставку» стал неотъемлемой частью легендарной истории Октябрьской революции.

Переход власти от Временного правительства к большевикам никак нельзя назвать бескровным. Жертвы были в Петрограде, жестокие бои шли в Москве, в других городах. Но именно убийство в Могилеве генерала Духонина стало по-своему символичным, знаковым. Причем настолько, что даже появился эвфемизм «отправить в штаб к Духонину»: в годы Гражданской войны это означало неминуемую смерть. Недавно обнаруженный архивный документ, непосредственно касающийся захвата большевиками Ставки Верховного Главнокомандующего в Могилеве, позволяет добавить новые штрихи в портрет эпохи.

В общем нельзя сказать, что в советское время сведения об убийстве генерала Н.Н. Духонина замалчивались. Да и трудно было это сделать, поскольку само событие прямо упоминается в знаменитой книге американского журналиста Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» [1, с. 230–231]. А ее рекомендовал к прочтению и самому широкому распространению сам В.И. Ленин.

Но советские авторы пытались всячески подретушировать кровавую историю. Слишком неприглядной выглядела сцена жестокого самосуда со стороны революционных солдат и матросов, которые, согласно официальной идеологии, должны были представлять в образе передового и самого сознательного отряда пролетариата. Двусмысленности ситуации придавало и то, что разбушевавшиеся защитники революции не послушались своего главнокомандующего Н.В. Крыленко. Тот вроде бы призывал их к благоразумию и сознательности, но его грубо оттолкнули. А потом еще глумились над группом генерала, стащили бумажник... Получалось как-то нехорошо. Поэтому с определенного времени убийство стали приписывать какой-то «шпане», «уголовникам», которые будто бы затесались в толпу, собравшуюся на перроне станции Могилев.

Первым такую версию событий изложил М.Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях. Он сам находился в тот момент в Ставке, но сослался на свидетельство матроса Гвардейского экипажа некоего Приходько [2, с. 218–220]. С легкой руки этого генерала, перешедшего на сторону большевиков, версия про «шпану» стала гулять по страницам книг и журналов.

Правда, некоторые авторы, приписывая убийство все той же «шпане», пытались подвести под него идеологическую базу: «Но как же без крови, если «ударники» овладели станцией Могилев? Если конвой освободил из-под ареста Корнилова, Деникина и других генералов, которые скрылись под охраной Текинского полка не для того же, конечно, чтобы мирно разойтись по домам?» [3, с. 129]. То есть вроде бы убили уголовники, а вожди революции были против кровавой расправы, но она все же была справедливой. Поэтому многие авторы не утруждали себя никакими оправданиями, а попросту опускали эпизод с расправой на перроне. Повествование доходило до эпизода, когда бледнеющий Н.Н. Духонин передает свои полномочия новому революционному Главковерху, и... дальше на сцену выходит уже сам Крыленко, с кипучей энергией борющийся за революцию на фронте [4, с. 12–13; 5, с. 54–55].

Генерал в пучине противоречий

Порой советские источники описывают генерала Духонина как служаку, немолодого человека с мясистым лицом. Однако с фото на нас смотрит моложавый офицер с франтоватыми усами. Оно и неудивительно – «пожилой генерал» не дожил всего нескольких дней до своего 41-го дня рождения. Так каким же он был, генерал Духонин? И насколько важную роль сыграл в драматических событиях октября – ноября 1917 года?

Николай Николаевич Духонин, смоленский дворянин, прошел привычный путь успешного русского офицера. Сначала Владимирский Киевский кадетский корпус, затем Александровское военное училище уже в Москве, оттуда – напрямую в лейб-гвардии Литовский полк. В 26 лет Н.Н. Духонин по первому разряду окончил Николаевскую академию Генерального штаба и в дальнейшем служил, в основном, на штабных должностях, преимущественно в Киевском военном округе. Здесь же, в Киеве, с 1908 по 1912 год преподавал в военном училище.

Первую мировую Н.Н. Духонин встретил старшим адъютантом отдела генерал-квартирмейстера 3-й армии, которая вела боевые действия против австро-венгерских войск. Эта должность была связана с разведкой. Именно за удачную рекогносцировку укреплений крепости Перемышль Николай Николаевич и получил свою первую боевую награду – Георгиевское оружие. Затем удостоился еще и ордена Св. Георгия 3-й степени.

Духонин достаточно спокойно воспринял Февральскую революцию и оказался вполне лоялен Временному правительству. Как настоящий военный, Николай Николаевич был аполитичен, видя свой долг в защите Отечества. В августе 1917 года он получает чин генерал-лейтенанта. После Корниловского выступления А.Ф. Керенский принимает на себя обязанности Верховного главнокомандующего, Н.Н. Духонин становится начальником его штаба и переезжает в Ставку в Могилев.

Большевистский переворот 25 октября в Ставке встретили враждебно – как очередную попытку дестабилизировать ситуацию и вывести Россию из войны. Хотя,

◀ Н.Н. Духонин

по свидетельству очевидцев, настроения в тот момент были весьма противоречивые: «Большевистский переворот никого в Могилеве не поразил. Многие даже как будто обрадовались, решив, что это начало конца революции. Мало кто из обывателей слышал до революции имя Ленина и знал программу большевистской партии. Казалось, что если Временное правительство продержалось всего девять месяцев, то большевики больше месяца не просуществуют» [6, с. 133–134].

Поначалу Н.Н. Духонин, как фактический руководитель Ставки, предпринял меры по содействию силам, противостоящим большевикам. Хотя эта активность была далека от бурной деятельности, которую ему потом приписывали советские авторы. В разговоре с генерал-квартирмейстером штаба Северного фронта В.Л. Барановским и комиссаром Временного правительства на том же фронте В.С. Войтинским 26–27 октября Духонин обещал оказать содействие в выдвижении войск на Петроград и Москву [7, с. 603–608, 627]. Наконец, 27 октября Ставка за подписями Н.Н. Духонина, помощника по гражданским делам начальника штаба Главковерха В.В. Вырубова, исполняющего должность комиссара Главковерха Ковалевского и председателя общевойсковой комиссии Перекрестова по телеграфу разослала призыв к населению

о подчинении Временному правительству. В нем, в частности, говорилось: «От имени фронта мы требуем немедленного прекращения большевиками насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти, безусловного подчинения действующему [в] полном согласии с уполномоченными органами демократии Временному правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного собрания – хозяина земли русской. Действующая армия силой поддержит это требование» [7, с. 609].

Все это вызвало в кругах, противостоящих большевикам, надежду, что именно Могилев и станет центром сопротивления перевороту. В революционный период различные политические силы отводили значительное место Беларуси в своих планах дальнейшего устройства России. Одной из причин такого отношения было то, что здесь, в Могилеве, находилась Ставка Верховного Главнокомандования и Общearмейский комитет. Сразу после большевистского переворота в Могилев прибыли лидеры правых эсеров, меньшевиков и народных социалистов: В.М. Чернов, А.Р. Гоц, Б.О. Богданов, С.Ф. Знаменский, Л.Я. Герштейн. 8 ноября на совещании в Ставке они предложили создать в Могилеве «всероссийское демократическое правительство» [8, с. 36–37]. Однако эта идея не встретила поддержки даже в рядах тех партий, представителей которых планировалось включить в новое правительство. Да и сами войска, в том числе офицерство и представители Ставки, не испытывали жгучего желания ввязываться в политические пердряги. Не поддержал «могилевский проект» и казавшийся тогда почти всемогущим (по причине контроля над путями сообщений) Всероссийский исполнительный комитет Союза железнодорожных рабочих и служащих (Викжель). Его представители заявили, что организация власти вне Петрограда невозможна [9, с. 145]. В октябре – ноябре Викжель пытался занять нейтралитет, выступить посредником между большевиками и прочими социалистами. Поэтому его позиция в вопросе создания альтернативного правительства в Могилеве имела исключительно важное значение. Для Беларуси с ее разветвленной сетью железных дорог, когда железнодорожные рабочие составляли значительную часть местного пролетариата,

точка зрения Викжеля приобретала судьбоносное значение.

Возможно, решающей оказалась и позиция самого Н.Н. Духонина. 1 ноября А.Ф. Керенский официально назначил его на должность Главковерха. И как раз в это время генерал резко меняет линию поведения. От былой активности не осталось и следа. Он медлит, выжидает, уклоняется от конкретных решений. Представляется, что для этого было несколько причин. Во-первых, неожиданным стало быстрое установление новой власти по всей стране. 2 ноября после тяжелых боев большевики победили в Могилеве. Тогда же они окончательно взяли под контроль Минск и штаб Западного фронта. А к середине ноября, как свидетельствуют очевидцы, они чувствовали себя хозяевами положения на большей части неоккупированной Беларуси [10, л. 3]. Во-вторых, так и не образовалось никакого единого центра сопротивления, а брать на себя такую ответственность Н.Н. Духонин не был готов. В-третьих, большинство частей были распропагандированы большевиками и выносили резолюции в их поддержку. Ставка не могла полностью положиться даже на войска, расквартированные в Могилеве. Считавшийся наиболее боеспособным Георгиевский батальон (отдельное элитное воинское подразделение, состоявшее из георгиевских кавалеров) оказался в итоге ненадежен. Генерал Ю. Довбор-Мусницкий, командовавший 1-м польским корпусом, отказался вмешиваться во внутренние дела России.

На самом деле наиболее активными деятелями Ставки в тот момент были комиссар Временного правительства В.Д. Станкевич и находившийся в заключении в соседнем Быхове бывший главковерх Л.Г. Корнилов. Именно последний 1 ноября обратился с письмом к Н.Н. Духонину, предлагая действовать более активно [11, с. 162]. Предполагалось, что возможно использовать для обороны от большевиков Текинский полк, хотя и ослабленный, но наводивший ужас на противника, четыре полка Финляндской дивизии, ударные батальоны, которые по собственной инициативе стали собираться в Могилеве и окрестностях (по некоторым данным, в наличии было шесть батальонов, но их численность остается неясной).

Н.Н. Духонин категорически отказывался становиться инициатором гражданской

войны в условиях неоконченной войны с Германией. Впоследствии в качестве альтернативного плана он предлагал вывести Ставку в Киев и там создать новый центр руководства Действующей армией, который со временем мог бы стать и государственным центром. Но этот план помешал осуществить все тот же Георгиевский батальон, задержавший уже нагруженные автомобили [6, с. 134].

Вот в таких условиях проходили переговоры Ставки и вновь созданного Совета Народных Комиссаров, находившегося в Петрограде. Вначале, поздно вечером 7 ноября 1917 года, в Могилев ушла телеграмма с требованием немедленно вступить в переговоры с неприятельскими армиями о перемирии. Ставка проигнорировала это требование. Тогда в 2 часа ночи 9 ноября В.И. Ленин, И.В. Сталин и Н.В. Крыленко связались со Ставкой напрямую – у аппарата был генерал-квартирмейстер М.К. Дитерихс. Вначале он отказывался звать Н.Н. Духонина, ссылаясь, что тот спит. Но вскоре Главковерх вышел на связь с Петроградом. Он задал своим собеседникам следующие вопросы: «1) имеет ли Совет Народных Комиссаров какой-либо ответ на свое обращение к воюющим государствам с декретом о мире; 2) как предполагалось поступить с румынской армией, входящей в состав нашего фронта; 3) предполагается ли входить в переговоры о сепаратном перемирии и с кем, только ли с немцами или с турками или переговоры будут вести нами за общее перемирие?». Получив новое категорическое распоряжение приступить к переговорам, Н.Н. Духонин сформулировал свою позицию: «Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для вас невозможны. Тем менее возможны они для меня от вашего имени. Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность для достижения результатов. Я также считаю, что в интересах России заключение скорейшего всеобщего мира» [12, с. 79]. После этого он был отстранен от должности, а Главковерхом назначен Н.В. Крыленко. Однако генералу приказали исполнять свои обязанности до приезда назначенца Совнаркома.

◀ Н.В. Крыленко

После этого возникла некоторая временная пауза. Большевики формировали в Петрограде отряд для экспедиции в Могилев и добивались подтверждения лояльности со стороны воинских частей. Н.Н. Духонину становилось все более ясно, что реальной и внушительной вооруженной опоры у него нет. Некоторой поддержкой стала позиция представителей союзных держав, находившихся в Могилеве. В частности, 14 ноября с протестом против возможных сепаратных переговоров выступил американский подполковник М. Керт [13, с. 127]. Но его слова не могли добавить войск.

Картина дальнейших событий в трактовке советского автора Е.В. Максимова выглядит как настоящие боевые действия. Главковерх, в его версии, проявил просто-таки бешеную энергию: «Духонин срочно вызвал ударные роты и оренбургских казаков. Потом приказал командиру Финляндской дивизии взорвать мосты перед Оршей. Поезд главкома неся на Оршу, а у моста перед Оршей лежали саперы. Но они отказались взорвать мост» [5, с. 54].

На самом деле, по большинству свидетельств, Н.Н. Духонин сделал все, чтобы не допустить кровопролития. Он понимал, что при ненадежности Mogilevского гарнизона шансов на успех сопротивления немного. Приблизительно 18 ноября в Ставке прошло

общее собрание всех чинов «от генералов до писарей». Было много выступающих. Мнения о дальнейших действиях разошлись: кто-то призывал к оружию, другие предлагали решить дело мирно. Царила атмосфера растерянности и безволия. Сам Главковерх категорически отказался организовывать сопротивление, заявляя о его бессмысленности, при этом высказал личную решимость остаться на своем посту до конца [6, с. 134].

А в ночь с 18 на 19 ноября могилевский гарнизон окончательно перешел на сторону большевиков и взял власть в городе. Был образован Могилевский военный революционный комитет, выпустивший воззвание в поддержку власти Совнаркома. Власть Ставки рухнула. Но Н.Н. Духонин, уступая просьбам представителей союза казаков, успел отдать свое последнее и судьбоносное распоряжение: освободить «быховских сидельцев». Генералы Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, А.С. Лукомский, С.Л. Марков и их сподвижники оказались на свободе и двинулись на Дон, чтобы продолжить дело борьбы с большевиками.

20 ноября в Могилев вошел отряд Н.В. Крыленко...

Так на ком кровь?

Описание того, что произошло дальше, в различных источниках сходится. Отдельные детали уточнит публикуемый ниже документ. Н.В. Крыленко встретился с Н.Н. Духониным в вагоне и заявил о его аресте. В это время на перроне бушевала толпа матросов и солдат, требуя отдать генерала им на расправу. Советский Главковерх решительно воспротивился этому. Его отодвинули в сторону и вытолкнули Н.Н. Духонина на ступеньки вагона. Тот попытался что-то сказать, но в спину ему вогнали штык и бросили на перрон. Генерала добились, а над телом зверски надругались. Вот как описывает этот трагический эпизод М. Белевская (Летягина), находившаяся тогда в Могилеве: «На вокзале, несмотря на защиту Крыленко, толпа красноармейцев подняла на штыки генерала Духонина. Его изуродованный труп распяли в товарном вагоне, прибив руки гвоздями. В рот вложили окурочек, и вся чернь ходила смотреть на поруганное тело генерала Духонина, плюя ему в лицо и осыпая страшными ругательствами» [6, с. 134].

Вроде бы действительно стихийное действие. Такая оценка подтверждается и некоторыми документами. Буквально накануне Военно-революционный комитет Западного фронта своим приказом № 16 запретил все самовольные насильственные действия, включая аресты и разжалования, по отношению к офицерам [13, с. 207–208]. Сам Н.В. Крыленко сразу после убийства выпустил воззвание, в котором резко осудил этот самосуд: «Не могу молчать о печальном факте самосуда над бывшим главнокомандующим Духониным. Народная ненависть слишком накалилась, несмотря на все попытки спасти, он был вырван из вагона на стн. Могилев и убит. Бегство ген. Корнилова накануне падения Ставки было причиной эксцесса. Товарищи, я не могу допустить пятен на знамя революции, [с] самым строгим осуждением отнеситесь к подобным фактам, будьте достойны завоеванной свободы, не пятнайте власть народа! Революционный народ грозен в борьбе, но должен быть мягок властью победы» [13, с. 225].

Вроде бы все ясно. Однако... Именно новые советские власти всю первую половину ноября разжигали крайнюю ненависть к несчастному Н.Н. Духонину. Наряду с Красновым и Калединым его обвиняли в организации контрреволюции. Тот же ВРК Западного фронта в своем воззвании от 17 ноября прямо писал, что «контрреволюционная Ставка готовится к подавлению революции» [13, с. 200]. Большевистские агитаторы в войсках как под копирку выносили резолюции с осуждением лично Духонина. Ненависть к нему, о которой писал Н.В. Крыленко, была раздута до невероятной степени именно самими большевиками. Так что это стихийное убийство было не таким уж и случайным.

Воспоминания старого большевика

Документ, о котором идет речь, – это письмо полковника в отставке П.И. Стрельцова, направленное им 15 января 1958 года в Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС. К тому времени он проживал в Воронежской области, в станице Графская. Непосредственным поводом к написанию послужило издание в 1957 году книг

◀ Революционные солдаты 1917 года

Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» и М. Бонч-Бруевича «Вся власть Советам. Воспоминания». В них, среди прочего, содержалось описание трагических событий в Ставке.

В ИМЛ письмо было получено 20 января, и директор профессор Г.Д. Обичкин написал фиолетовыми чернилами резолюцию: «Поблагодарить за письмо надо, а в полемику вступать не следует. Письмо хранить в кабинете».

Как видно из письма, П.И. Стрельцов гордился своим участием в установлении контроля над Ставкой и был возмущен упоминанием каких-то «уголовников и шпаны».

Здесь нужно сказать несколько слов о воспоминаниях участников революции 1917 года и Гражданской войны как историческом источнике. В свое время их систематически собирал союзный Институт марксизма-ленинизма и Институт истории партии в БССР. Сейчас они хранятся соответственно в Российском государственном архиве социально-политической информации (в том числе и публикуемое письмо) и Национальном архиве Республики Беларусь. Далеко не все эти воспоминания даже описаны. Исследователи практически не пользуются ими, очевидно, относя к

какому-то советскому «нафталину». А зря. Кстати сказать, среди таких документов известный белорусский историк В.В. Скалабан обнаружил воспоминания Е.Ф. Канчера, существенно уточняющие наши представления о революционных событиях в Беларуси. Частично эти воспоминания были опубликованы в журнале «Беларуская думка» [14; 15]. Это полноценный источник, изобилующий множеством деталей, позволяющих воссоздать панораму событий той бурной эпохи. Конечно, они требуют верификации и, в принципе, применения методов исторического исследования при работе с источниками мемуарного происхождения.

Что же добавляет к картине драматических событий в Ставке 19–20 ноября 1917 года письмо П.И. Стрельцова? Во-первых, перед нами самый полный отчет о произошедшем преступлении, которое стало первым громким политическим убийством периода Октябрьской революции. Во-вторых, полностью отмечается версия о причастности каких-то «уголовников и шпаны». В-третьих, уточняется ряд иных деталей. Наконец, в-четвертых, это, пожалуй, единственное известное свидетельство непосредственного участника убийства.

Стрельцов П.И. Воспоминания о ликвидации Верховной ставки и аресте генерала Духонина в Могилеве 20 ноября 1917 г.

15 января 1958 г.

(Орфография и пунктуация оригинала сохранены)

ТОВАРИЩУ ДИРЕКТОРУ.

Прочитав книгу Джон-Рида, «10 дней которые потрясли мир», на 233-й странице напечатано: 2-го декабря /19/ 1917 года, Могилевский гарнизон восстал захватил город, арестовал Духонина и армейский комитет и с победными красными знаменами вышел навстречу новому верховному главнокомандующему.

На следующее утро Крыленко прибыл в Могилев и застал ревущую беснующую толпу у вагона в котором содержался арестованный Духонин. Крыленко произнес речь в которой умолял солдат не трогать Духонина, поскольку его следовало увезти в Петроград, где он должен был предстать перед судом ревтрибунала.

Когда он кончил, Духонин неожиданно появился у окна вагона, как бы собираясь тоже обратиться к толпе. Народ с диким воплем кинулся к вагону, вытащил старого генерала и тут-же на платформе растерзал его, так кончился мятеж ставки.

Бонч-Бруевич в своей книге «Вся власть советам» описал о Духонине в другой редакции противоречащей первой. Не стану ее излагать, но она так-же не соответствует действительности, как и первая. Как участник и очевидец этого исторического события, на ст. Могилев, не 2-го Декабря а 20-го Ноября н/ст 1917 года, что и Бонч-Бруевич в своей книге, эту дату на стр. 220 подтверждает.

Дело было так: «По личному указанию В.И. Ленина, для занятия и ликвидации Верховной Ставки в городе Могилеве, с Витебского товарного вокзала Петрограда, ночью 18-го Ноября н/ст 1917 года отошел большой эшелон тысячный отряд матросов Балтийского революционного флота под командованием тов. Павлова. На рассвете 20-го ноября отряд матросов спешно разгрузился на ст. Могилев. По команде стройся по-ротной, после построения фарсированным

маршем двинулся к Ставке. Проводниками были рабочие депо ст. Могилев. Приближаясь к Ставке, были приняты все меры осторожности, но со стороны Ставки навстречу матросам вышло несколько солдат с белым флажком, со словами: «Товарищи братья матросы, охрана Ставки и другие войсковые части расквартированные в г. Могилеве против вас применять оружия [вписано от руки] не будут», и тут-же указали, где находился Духонин и еще они сказали: «Если-бы вы прибыли на три часа раньше, то захватили бы полностью штаб, который ночью покинул Ставку».

Матросы Балтийского флота арестовали генерала Духонина и под усиленным вооруженным конвоем, был доставлен на ст. Могилев и водворен в арестантский с решетками вагон, (а не салон вагон) этот вагон был прицеплен к эшелону тов. Павлова который был далеко от платформы. После ареста Духонина, наш отряд под руководством Павлова и командиров рот, занял телеграф и почту, здание городской думы и другие учреждения. В городе организовался Военно-Революционный Комитет.

В тот-же день 20 ноября примерно в 11-12 часов на ст. Могилев прибыл еще один эшелон с матросами солдатами Литовского полка во главе тов. Крыленко. Через некоторое время от Крыленко пришел матрос обращаясь ко мне сказал, срочно явиться вашему командиру отряда в вагон салон тов. Крыленко. Но тов. Павлов в это время находился в городе, дежурным командиром по эшелону был я, немедленно явился к тов. Крыленко он принял меня, спросил, кто я и почему не пришел тов. Павлов. Я доложил, что я дежурный по эшелону, командир 3-й роты, тов. Павлов в данное время в городе. Крыленко выслушав меня и тут-же отдал распоряжение вагон с арестованным генералом Духониным отцепить и поставить к его эшелону, тогда Крыленко быстро набросил на плечи шинель и также быстро вышел с вагона и направился к нашему эшелону, он сделал попытку войти в вагон, где находился Духонин, но охрана из матросов не допустила его, тогда т. Крыленко обратился к присутствующим матросам и солдатам с речью, (матросы и солдаты присутство-

вали обоих отрядов) он говорил, что генерала Духонина надо доставить живым в Петроград ему никто не возражал, но тогда он сказал, что я имею у себя сведения, что вы хотите расправиться и убить Духонина, но я как главнокомандующий вооруженными силами республики не допущу убийства генерала. Если кто это позволит то пройдя через мой труп, последние слова были сказаны с повышенной нотой, как видно эти слова были восприняты матросами и солдатами как активная защита контрреволюционера и его освобождения. Два матроса с отряда Крыленко подошли к нему взяли под руки его со словами: «Тов. Крыленко дешево ты отдаешь свою жизнь», и отвели в сторону. В это время солдаты и матросы потребовали от внутренней охраны вывести Духонина, когда он вышел на площадку один из сопровождавших его толкнул в спину, Духонин стал падать и упал на штыки солдат.

Так был ликвидирован контрреволюционер генерал Духонин.

В книге Джон-Рида имеются ошибки в неточности дат и по другим вопросам революционных событий того времени в Петрограде и его окрестностей. Второе мое замечание, он много уделит внимания деятельности Каменеву и Троцкому, в тоже время ничего не написано о деятельности т. Сталина, Свердлова, Антонова-Овсеенко и других большевиках того времени.

В своей книге Бонч-Бруевич со слов матроса Приходько написал о гибели генерала Духонина, мне кажется, что было-бы лучше по данному вопросу обратиться непосредственно к т. Крыленко Н.В.*

Подпись Стрельцов П.И. ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ.

Бывший к-р 3-й роты в отряде Павлова. В данное время проживаю в Воронежской обл. Ст. Графская ул. Красноармейская д. № 35

15/1 58 Подпись

Дополнение (от руки)

Бонч-Бруевич пишет: расправившись с Духонным, бросились в город на поиски его несчаст-

ной жены, она оказалась в церкви у всенощной, и эта случайность спасла ее от самосуда. Это чья-то несуразная выдумка и клевета на революционных солдат и матросов, так писать в нашей Советской литературе я считаю нельзя, надо писать правду, как было.

А было так: труп Духонина по моему указанию был положен в товарный пустой вагон стоящий на запасном пути.

Духонин был одет в китель, брюках и сапогах. В этот-же день примерно в 3 часа дня ко мне как к дежурному по эшелону обратилась женщина с просьбой, выдать ей труп Духонина, и сказала Я жена генерала Духонина и предъявила документ. Я доложил ее просьбу тов Павлову от тут-же дал распоряжение выдать труп. При взятии трупа я присутствовал, два человека в присутствии жены раздели Духонина обернули в простыню и одеяло положили в телегу, абмундирование жена Духонина отдала этим людям. Так было, что свидетельствую своей подписью

Подпись П. Стрельцов

15/1 58

Вадим ГИГИН, кандидат исторических наук, доцент

ЛИТЕРАТУРА

1. Рид, Д. Десять дней, которые потрясли мир / Д. Рид; пер. с англ. А. Ромм; коммент. Б. Гиленсон. – М.: Художественная литература, 1987.
2. Бонч-Бруевич, М.Д. Вся власть Советам (воспоминания) / М.Д. Бонч-Бруевич. – М.: Воениздат, 1958.
3. Ваксберг, А.И. Прокурор республики: Крыленко: док. повесть / А.И. Ваксберг. – М.: Молодая гвардия, 1974.
4. Крыленко, Н.В. Судебные речи / Н.В. Крыленко. – М.: Юридическая литература, 1964.
5. Максимов, Е.В. Николай Крыленко / Е.В. Максимов. – М.: Московский рабочий, 1982.
6. Белевская, М. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве (1915–1918 гг.) / М. Белевская // Неман. – 2012. – № 8. – С. 117–138.
7. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде / Под ред. Г.Н. Голикова (отв. ред.) [и др.]. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.
8. Каменская, Н.В. Вялікая Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР / Н.В. Каменская. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1954.
9. Злоказов, Г.Н. Переговоры об «однородном социалистическом правительстве» после Октябрьской революции / Г.Н. Злоказов // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 132–145.
10. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4683. – Оп. 3. – Д. 466.
11. Деникин, А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918 / А.И. Деникин. – Минск: Харвест, 2002.
12. Разговор правительства со Ставкой по прямому проводу 9 (22) ноября 1917 г. // Полное собрание сочинений / В.И. Ленин / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Т. 35: Октябрь 1917 – март 1918. – М.: Госполитиздат, 1974. – С. 77–80.
13. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии / Ред. коллегия: Т.С. Горбунов [и др.]. – Т. 2: Победа социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии (Октябрь 1917 г. – март 1918 г.). – Минск: Госиздат БССР, Ред. полит. лит., 1957.
14. Канчер, Е. Из истории Гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. (по личным воспоминаниям, записям и документам) / Е. Канчер; публ. В. Скалабана // Белорусская думка. – 2010. – № 1. – С. 92–97.
15. Канчер, Е. Из истории Гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. (по личным воспоминаниям, записям и документам) / Е. Канчер; публ. В. Скалабана // Белорусская думка. – 2010. – № 2. – С. 72–79.

*Судя по всему, автор письма не знал о судьбе Н.В. Крыленко, который был арестован и расстрелян в 1938, а реабилитирован в 1956 году.